Исследования

Сергей В. Мохов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Рынок ритуальных услуг в современной России: поломка похоронной инфраструктуры как властный ресурс

Российский рынок ритуальных услуг принципиально отличается от европейской и американской модели. В России не существует частных похоронных домов, частных кладбищ и частных моргов — вся инфраструктура принадлежит государству. При этом похоронный рынок является источником теневых и нелегальных экономических и социальных практик. Несмотря на подобное состояние дел, рынок ритуальных услуг долгое время не подвергается систематическому и структурному реформированию. Можно ли назвать сложившуюся ситуацию статусом кво? Может ли похоронная инфраструктура создавать особые социальные и властные отношения? Какую роль играет процесс управления ее техническим состоянием? В статье утверждается, что видимость дисфункциональности инфраструктуры и ее номинальное пребывание

Мохов Сергей Викторович — MA in History (МВШСЭН/The University of Manchester), аспирант Школы социологических наук НИУ ВШЭ, Москва. Редактор журнала «Археология русской смерти», посвященного death studies. Научные интересы: смерть и умирание; биотехнологии; STS; рынок ритуальных услуг; иммортализм. E-mail: svmohov.hse@gmail.com

Mokhov Sergei Viktorovich — MA in History (MSSES/The University of Manchester). Graduate student in National Research University — Higher School of Economics (Moscow). Faculty of social science Russian death studies journal 'Archeology of Russian death'. Research interests: death and dying; biotechnologies; STS; death care industry; immortality. E-mail: svmohov.hse@gmail.com

Статья подготовлена на средства Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» (проект 2016 008). Автор выражает благодарность за ценные советы в подготовке текста данной статьи Константину Гаазе, Владимиру Картавцеву и Давиду Хумаряну.

Acknowledgment: This research was supported by 'Khamovniky' fund (project 2016 008). I thank Vladimir Kartavtsev, David Khumaryan, Konstantin Gaaze for valuable and helpful comments on drafts of the article.

в «сломанном» виде имеет принципиальное значение для функционирования российского регионального рынка ритуальных услуг. «Поломка» как эпистемическая модель описания похоронной инфраструктуры и онтологические возможности по ее «ремонту» создают уникальную констелляцию «сломанной-работающей» сети, в которой оба состояния в чистом виде являются фикцией. Для представителей региональной власти контроль похоронной инфраструктуры и ее пребывание в сломанном состоянии позволяет поддерживать лояльность локальных агентов. Для частных ритуальных компаний, подобное положение дел позволяет избегать серьезных вложений в собственную инфраструктуру и продавать ее «ремонт» и доступ к подобным объектам как услугу.

Ключевые слова: рынок ритуальных услуг, антропология инфраструктуры, кладбища, похороны

***Sergei Mokhov**, Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Death Care Industry in Modern Russia: Breakdown of Infrastructure As a Power Resource

Russian death care industry is quite different from the European and American model. There are no any big national funeral corporations in Russia, no any private funeral homes or private mortuaries and cemeteries. All of the death care industry infrastructure is owned by the government. The infrastructure is the source for illegal and criminal practices. Why illegal and criminal practices and bad technical conditions do not meet the government counter? May we say that it is the status quo? One possible way to answer on this question may be the analysis of the infrastructure. In this paper I am going to present: how the funeral infrastructure creates social and power relations between local government and funeral homes; the role of technical condition of infrastructure in the process of power control. I argue that the status quo, which is understood as the controlled infrastructure breakdown, intentionally supported by different actors. Repairs and maintenance of infrastructure is a form of political control between local government and business. The principal feature of the death care industry in Russia is a specific mechanism of controlling the powerful infrastructure environment. The impact on her condition is a special form of flexible political control when breaking infrastructure and its repair is a compromise between government and private funeral agencies.

Keywords: death care industry, funeral market, anthropology of infrastructure, cemeteries, funerals

doi: 10.22394/2074-0492-2016-4-83-103

Роберт Герц — докторант Дюркгейма и Мосса, погибший в 1915 году в возрасте 26 лет на Западном фронте, был одним из первых антропологов, поместивших смерть в центр своей исследовательской программы. Концептуализация смерти по Герцу [Hertz, 1960] включает в себя три взаимосвязанные идеи. Герц полагал, что смерть как соци-

альный феномен является не мгновенным событием прекращения жизни человека, но отправной точкой сложного и длительного процесса, в ходе которого умерший сначала становится предком, а затем уже как предок инициируется сообществом в качестве нового субъекта общественной жизни, переживая нечто вроде социального воскрешения. Ритуалы погребения в такой оптике предельно социализированы: они касаются не умершего или его семьи, а всего коллектива, именно коллектив заинтересован в том, чтобы необходимые действия с телом умершего были проведены правильно и своевременно.

Другой подход к концептуализации смерти был предложен 60 лет спустя Джеком Гуди [Goody, 1974]. Гуди предложил рассматривать смерть в двух измерениях: рефлексивном и организационном. В первом случае смерть дает антропологу возможность понять, как и по каким правилам проходит индивидуальная и/или коллективная рефлексия относительно таких понятий, как судьба, потеря и загробная жизнь в той или иной культуре. Во втором случае смерть становится событием, позволяющим пролить свет на социальные отношения внутри группы, в которые вовлечены как живые, так и мертвые.

Очевидно, что обе эти фундаментальные для антропологии концептуализации так или иначе социализируют смерть: изучение коллективных представлений о смерти и способов организации и проведения погребальных ритуалов проливают свет не на сам феномен смерти, а на специфические отношения в сообществах, где они распространены. Проводимое мной в одном из центральных регионов РФ полевое исследование имеет своей целью изучение смерти и похорон именно в этом аспекте — аспекте специфических социальных интеракций, в которые вовлекаются покойники и их родственники в процессе организации захоронения.

Российские исследователи выделяют такие характерные черты отечественного ритуального рынка, как закрытость, несовершенство правового регулирования и тотальное распространение неформальных и даже криминальных практик [Абелев, Рожков, Зульфугарзаде, 2006; Грачев, 2011; Моисеева, 2009]. Ритуальный бизнес в России практически не регламентируется государством: отсутствует система лицензирования и надзирающие за сферой органы власти. Похоронную деятельность полностью регулируют органы местного самоуправления, не входящие в систему исполнительной власти. На похоронном рынке не существует крупных игроков, как, например, Service Corporation International в США. Участники рынка действуют исключительно на своей территории и не предпринимают попыток расширить или структурировать свой бизнес. Нет ни легальных частных моргов с возможностью проведения вскрытия, ни легальных частных кладбищ. Все ключевые объекты похоронной инфраструктуры (морги, залы прощания, кладбища) отдалены друг

от друга в пространстве, функционируют в различных правовых статусах на основании не связанных между собой законов и подзаконных актов, а чаще на основании неформальных договоренностей.

В результате каждый этап на пути тела от места смерти до могилы становится для родственников усопшего испытанием, а весь процесс целиком — квестом, в котором каждое решение относительно действий с трупом, принятое на предыдущем этапе (на некоторые решения родственники повлиять не в силах, некоторые, наоборот, могут быть куплены), критически влияет на весь процесс захоронения, но никак не гарантирует от сбоев в ходе организации этого процесса. В попытках объяснить такое состояние похоронного рынка и похоронной инфраструктуры российские исследователи движутся или в сторону изучения нормативного состояния рынка, рассматривая его через призму закона, или трактуют рынок ритуальных услуг буквально как рынок по продаже ритуала, изучая стратегии коммодификации похоронного обряда. В первом случае сложившаяся форма похоронной индустрии рассматривается как проблема государства и недостаточного законодательного регулирования. Во втором случае исследователи углубляются в процессы культурной трансформации непосредственно похоронного ритуала [Моисеева, 2011; Филиппова, 2009]. Оба подхода схватывают специфику российского похоронного рынка. Однако они не позволяют внятно объяснить, почему внешне неудобные для пользователей, часто стихийные, почти всегда неформальные экономические и социальные практики, которые определяют «интерфейс» российского рынка ритуальных услуг и регулируют его правила, не вызывают, во-первых, систематического недовольства клиентов индустрии и запроса на их изменение, во-вторых, не приводят к появлению сильных игроков на этом рынке, в-третьих, существуют при фактическом попустительстве (если не поддержке) местных властей и федеральной власти.

Эта статья содержит ряд систематизированных полевых заметок о работе похоронного рынка в России, а также набросок теоретической рамки, позволяющей получить объяснения и ответить на вопрос о специфической роли власти в функционировании похоронного рынка. В фокусе моего исследования находятся не нормативное регулирование само по себе или культурные инварианты похоронного обряда, а функционирование инфраструктуры похоронного рынка. Схожие подходы к локальным рынкам уже применялись западными исследователями [Walter, 2005; Trompette, 2011]. Часть из описанных мной неформальных практик (покупка/продажа мест для захоронений, получение заказов через осведомителей, подготовка и выдача тел в моргах) также были частично описаны российскими исследователями [Моисеева, 2011, Филиппова, 2009]. Некоторые исследователи убедительно показывают, как инфраструктура способна создавать и оказывать влияние на социальные отношения [Angelo, Hentschel,

2015]. Например, конструирование автомобильной дороги и проведение электричества способно изменить жизнь небольшого города [Harvey, Knox, 2015], а появление метро и железной дороги порождает новый тип городского жителя — пассажира [Höhne, 2015].

Может ли похоронная инфраструктура создавать особые социальные и властные отношения? Какую роль играет процесс управления ее техническим состоянием? Я полагаю, что пристальное изучение функционирования объектов похоронной инфраструктуры позволяет вскрыть латентные механизмы властного контроля на рынке ритуальных услуг, которые оказывают на нее структурообразующее влияние. Исследование также позволит объяснить, почему за несколько десятилетий эта индустрия сформировалась именно в таком виде и до сих пор не стала объектом реформирующих вторжений со стороны государства или бизнеса.

Объектом полевого анализа является профессиональная деятельность агентства по оказанию ритуальных услуг, расположенного в одном из регионов Центральной России. В рамках полевого исследования прослежено влияние инфраструктурных факторов на социальные интеракции и действия ключевых акторов: клиентов ритуальных агентств, самих ритуальных агентств, представителей правоохранительных органов и местных органов власти, а также индивидуальных акторов, врачей, медсестер, сотрудников моргов и т.д. Главный метод исследования — включенное этнографическое наблюдение, которое началось в октябре 2015 года и продолжается до сих пор. Наблюдения фиксируются в полевой дневник. За время полевой работы я участвовал в нескольких десятках конкретных кейсов, связанных с захоронением и оказанием ритуальных услуг. По этическим соображениям и в связи с обязательствами, данными мной информантам, я не могу конкретизировать место действия, названия фирм, учреждений и предприятий похоронной индустрии. К сожалению, не все интервью удалось зафиксировать на аудионоситель из-за несогласия некоторых информантов говорить под запись.

Композиция статьи выглядит следующим образом. Вместе с нашим главным «героем» — трупом пожилого мужчины — мы пройдем все этапы организации захоронения: от момента обнаружения тела до похорон. Затем я представлю некоторые теоретические выкладки, позволяющие ответить на интересующие исследовательские вопросы и постараюсь показать связь между властными отношениями, сложившимися вокруг похоронного рынка, и его конфигурацией.

Перевозка трупа

Пожилой мужчина умер у себя дома в частном секторе, тело обнаружил сын. Первое действие сына — вызов кареты скорой помощи и по-

лиции. Полиция и скорая приезжают в течение 10 мин после звонка и фиксируют факт смерти. Полицейские и медики решают, что смерть, возможно, была насильственной. Сын получает на руки заключение, в котором сказано, что до захоронения труп должен пройти судебно-медицинское вскрытие. Это значит, что покойного необходимо отправить в городской морг. Сделать это можно только на специальном транспорте: самостоятельная перевозка тел родственниками в России запрещена. Бригада скорой предлагает два варианта: вызвать специальный транспорт и ждать его до одних суток — в медицинском учреждении отсутствует бензин. И второй вариант: вызвать транспорт частной ритуальной компании. Сын соглашается на второй вариант. Почти мгновенно в доме появляется представитель ритуального агентства, готовый осуществить требуемую перевозку. Он приехал сразу же за полицией и скорой по так называемому «сливу».

Как ритуальная компания узнала о «свежем» трупе? Полиция и медики обычно «сливают», т.е. продают информацию об умерших людях ритуальным агентствам. Как правило, информация продается сразу несколькими ритуальным агентам, причем одну и ту же информацию может продавать и диспетчер скорой помощи, и водитель кареты скорой помощи, и участковый. Поэтому на место смерти иногда приезжают представители конкурирующих ритуальных агентств, между которыми разворачивается борьба за право доставить покойника в морг, а значит, скорее всего сопровождать труп и на всех дальнейших этапах проведения похоронного ритуала. В цену похорон изначально включается сумма от 3 до 15 тыс. рублей, эти деньги идут на оплату «сливов». Одно из агентств в изучаемом регионе тратит около 70% выручки на оплату информации о новых случаях смерти в городе, тем самым по сути цементируя сложившуюся практику.

Сын покойного и агент обсуждают цену и договариваются о перевозке тела в морг. Это — первый этап организации похоронной церемонии. Приехавшая машина частной ритуальной службы не имеет специального оборудования. Это обычный микроавтобус с небольшим подиумом в грузовом отсеке. Владелец ритуального агентства на этой же машине перевозит продукты для своего кафе, укладывая их в тот же грузовой отсек, где возит трупы, что, разумеется, запрещено санитарными правилами. Сын, агент и его напарник грузят тело в машину с помощью простыней и других подручных средств, носилок в машине нет. Это стандартная для перевозки трупов ситуация. Медики сознательно устраняются от решения проблем с перевозкой, так как знают, что местные власти стремятся максимально снизить нагрузку на казенную инфраструктуру (автопарк и т.п.). По признанию информантов из числа врачей и ритуальщиков, у местных властей нет необходимых автомобилей для перевозки трупов. Для их покупки нужны большие средства, так как автомобили должны

быть специально оборудованы в соответствии с санитарными требованиями. Один из полицейских в частной беседе признался, что структуры МВД сознательно не осуществляют контроль над частным транспортом, задействованным в перевозке трупов, так как не хотят связываться. Нарушение правил перевозки влечет наложение административной ответственности, но полиция опасается, что систематические штрафы приведут к коллапсу местного ритуального рынка, т.е. саботажу ритуальных агентств и недовольству населения.

Тело отправляется на вскрытие в морг. В данном случае частная служба перевозки трупов аффилирована с главным патологоанатомом городского морга. Полиция и медики знают об этом и стараются направлять на вскрытие максимально возможное количество трупов, чтобы фирма, приближенная к патологоанатому, получала как можно больше заказов на перевозку. Медики и полиция получат вознаграждение и за «слив», и за заключение о смерти, содержащее требование провести вскрытие. Ритуальное агентство, связанное с патологоанатомом, включит эти небольшие выплаты в стоимость перевозки.

В морге

Наш «герой» — труп пожилого мужчины — доставлен в государственный морг. Были ли у него другие варианты? Если бы тело не отправили на вскрытие, то вместо морга оно могло оказаться, например, в частном трупохранилище. Частное трупохранилище — это объект похоронной инфраструктуры, почти всегда функционирующий без лицензий и соблюдения санитарных норм. Построить и затем эксплуатировать частное трупохранилище легально крайне сложно. Это требует значительных инвестиций, к тому же, как мы уже убедились, количество трупов, не требующих вскрытия (только такие трупы можно сразу везти в частный морг), зависит не от реальных обстоятельств смерти, а от наличия или отсутствия неформальных договоренностей между медиками, полицией, сотрудниками морга и представителями ритуальных агентств. Поэтому создателям частных трупохранилищ проще, например, платить штрафы, а не получать все необходимые справки и разрешения. Без неформальных договоренностей они просто не могут прогнозировать спрос на свои услуги. Так, по данным автора, в городе Суворове местная предпринимательница оборудовала частный морг в гараже, она периодически выплачивает штраф размером в пять тысяч рублей. В Ижевске частный морг некоторое время работал в многоквартирном доме.

Государственный морг, где будут вскрывать нашего «героя», представляет собой небольшое здание советской постройки. Морг имеет необычную планировку: войти и выйти в него можно только через зал прощаний. Когда сын умершего мужчины приезжает в морг

с трупом, его прямо на пороге встречает еще один агент по оказанию ритуальных услуг и начинает требовать от него небольшую плату за «пронос тела». История появления этого человека в зале прощаний по-своему любопытна. В свое время, как рассказывают сотрудники морга, он просто пришел в это помещение со своим стульчиком и стал продавать посетителям услуги по подготовке трупов к похоронам. Выгнать его не смогли: администрации морга он объяснил, что зал — это общественное пространство, и он имеет право тут находиться. Этот зал (отдельно от других помещений морга) был выставлен на аукцион, который и выиграл этот агент. Из-за специфической планировки морга получилось, что, по сути, он получил доступ ко всему моргу и может законно требовать плату за пронос тел. По словам информантов, работающих в морге, он делится с ними частью выручки.

После проведения вскрытия выясняется, что смерть мужчины наступила по естественным причинам. Тело можно забирать и хоронить. Теперь сын покойного должен решить сложную задачу: договориться с персоналом морга о выдаче тела в строго определенное время. Время нужно согласовать с ритуальным агентством, которое будет перевозить труп до кладбища. Кроме того, нужно договориться о подготовке тела и принять решение о покупке гроба. Формально готовить тело к похоронам должны сотрудники государственного морга бесплатно, однако в реальности из-за отказа платить по таксе за подготовку тела к похоронам можно оказаться в ситуации, когда тело будет выдано с большим опозданием и в ненадлежащем виде. Например, в одном из муниципальных моргов при попытке получить тело и отказе родственников платить за «бесплатные» услуги я лично наблюдал ситуацию, когда тело выдали с задержкой в четыре часа. Родственникам пришлось платить за простой катафалка, похоронной бригады и бригады копщиков.

Согласно требованиям нормативных документов Минздрава России, тело должно быть «подготовлено к выдаче», но что именно входит в эту подготовку и каковы необходимые процедуры, не оговорено. В соседнем морге сотрудники открыли частную ритуальную компанию прямо на территории морга и оказывают услуги по «подготовке и выдаче тела», бальзамированию, бритью, одеванию и т.д. В другом морге в соседнем городе санитарка морга Наталья также организовала ритуальное агентство, предлагая родственникам умершего «услуги на месте». Как правило, ее клиентами становятся жители сельских муниципалитетов, которых до попадания трупа в морг не успевают перехватить городские ритуальные компании. Порядок выдачи трупов родственникам в России не прописан законодательно: есть лишь указание, что тело должно быть передано родственникам. В реальности тело может получить любой, кто за ним приехал и имеет на руках справку о смерти, а главное — за-

платил сотрудникам морга за их услуги. Таким образом, как и в случае с перевозкой тела в морг, статус акторов и набор предлагаемых родственникам услуг представляет собой уникальную для данного конкретного морга констелляцию обстоятельств и интересов.

Прощание

Агент, приватизировавший зал прощаний, оказался настойчив. Сын покойного приобрел у него несколько услуг: оплатил подготовку тела к похоронам, приобрел атласный дешевый гроб, заказал для перевозки тела в день похорон катафалк Peugeot и отпевание в церкви. Только в этот момент труп получил пусть относительно, но институционализированного проводника в мире ритуальных услуг. Сын покойного не оплачивал комплексную услугу «похороны», которая бы включала в себя и гроб, и ритуальные действия, и место на кладбище. Однако по совокупности отдельных заказов (подготовка тела, гроб, катафалк, отпевание) он мог претендовать на сопровождение тела отца на всех этапах пути агентом из морга или его сотрудниками, которых агент устроил в морг на ставки санитаров.

День похорон начинается с процедуры выдачи тела из морга. Морг, разумеется, предоставил для проведения церемонии зал прощаний, приватизированный агентом, который сопровождает нашего «героя» в последний путь. Санитары морга выносят гроб с телом покойного и ставят его на некое подобие постамента. В течение 10–15 мин. родственники подходят к телу, прощаясь с усопшим. Затем гроб грузят в катафалк и везут к дому покойного для проведения еще одной процедуры прощания. Труп и родственники передвигаются между точками на маршруте в катафалке. Как правило, это обычная грузовая машина или автомобиль для перевозки пассажиров. В день похорон он выполняет одну из главных функций ритуального агентства — доставить людей из одной точки в другую.

Интересно временное измерение церемонии. Почему похороны длятся так долго? На проведение уходит около четырех часов, причем большую часть времени занимает дорога. Один из информантов, работающий в похоронном деле, объясняет это так. Во-первых, все похороны проходят в первой половине дня. В крайне редких случаях похороны проходят после полудня. На этом настаивают родственники умерших, и это согласуется с графиком работы большинства моргов. Во-вторых, плата взимается не за километраж, хотя он тоже учитывается, а за время. Поэтому именно время работы имеет принципиальное значение. За несколько часов можно провести несколько похорон или одни похороны, получив сопоставимую оплату. Разумеется, одна похоронная бригада предпочитает второй вариант, обсуживая максимум две похоронные церемонии в день.

На кладбище

Относительно места на кладбище сын покойного рассматривал два варианта. Администрация поселения при посредничестве агента могла дать под захоронение участок на старом кладбище без указания конкретного места («хороните, где найдете»), но, поняв, что сын заинтересован в «хорошем месте», агент дал контакты человека, который «сможет помочь с местом». В итоге сын выбирал между новым городским кладбищем, зарегистрированным в кадастре, и старым сельским погостом без официального юридического статуса. На городском кладбище за хороший участок сыну пришлось бы выложить немалую сумму (около 50 тыс. рублей), которую бы по бумагам провели как оплату ограды с установкой. Один из способов, который используют работники кладбищ, чтобы придержать «хорошие» места — «пустые могилы», участки земли, оформленные как захоронения, где на самом деле никто не похоронен. Сельское кладбище, существующее вне правового поля, оказалось дешевле за счет меньшего числа посредников в цепочке: за «хорошее» место попросили сначала 40 тыс. рублей, но в итоге сторговались на пяти.

В регионе, где проходило полевое исследование, нет крематория и колумбария, поэтому конечной точкой любого похоронного маршрута является кладбище. Кладбище, как и морг, — ключевая точка похоронной инфраструктуры, место встречи разнообразных акторов и место отправления неформальных практик похоронного дела. Кладбища в современной России — непреходящая «головная боль» местного самоуправления. Большинство действующих кладбищ официально, т.е. юридически, не существуют. Их нет в кадастровом плане и на карте. В СССР жители сельских регионов и малых городов осуществляли все необходимые для захоронения действия сами, в том числе сами выбирали себе места на кладбищах, появлявшихся стихийно. По признанию информантов, никаких проблем с этим никогда не было и «земли всегда хватало на всех». Участки под могилы нарезались хаотично, согласно представлениям хоронящих о хороших/плохих местах и близости к родственным захоронениям.

По российскому законодательству все эти кладбища должны быть оформлены особым образом. Участок под кладбищем нужно выделить из земельного фонда поселения, нужно составить карту и план кладбища, план развития, привести захоронения в соответствие с требованиями закона в части размера могил, ширины дорожек, оборудования парковок и проездов для спецтранспорта. Расходы по содержанию кладбища нужно включить в бюджет поселения, создать в администрации отдельное подразделение, которое бы ведало кладбищами, упорядочить процесс выдачи участков. Выполнение всех этих требований является для подавляющего большинства

муниципалитетов одновременно невыгодным и невозможным. Денег на содержание кладбищ нет, а упорядочивание их работы неизбежно приведет к финансовым потерям для сотрудников администраций, взимающих плату за содействие с ритуальных служб или напрямую вымогающих деньги у родственников покойников.

Использование кладбища в качестве объекта похоронной инфраструктуры типологически схоже с использованием морга. Как правило, «владельцы» кладбища — это местные органы исполнительной власти. В зависимости от заинтересованности администрации в управлении этим процессом «смотрителем кладбища» может быть сотрудник администрации, родственники главы поселения, друзья или деловые партнеры. Иногда муниципалитеты отдают кладбища на откуп ритуальным компаниям в обмен на регулярные выплаты и бартер: захоронение невостребованных родственниками тел, содержание кладбищ, уборку и т.д.

Отсутствие у кладбищ формального статуса, с одной стороны, выгодно для местных властей, с другой — создает массу сложностей. Одно из стихийных кладбищ в регионе моего исследования лишилось подъездной дороги: оно было весьма популярно, так как располагалось недалеко от федеральной трассы, от которой к кладбищу вел проселок. После капитального ремонта трассы съехать на проселок к кладбищу стало нельзя: трассу отгородили отбойниками безопасности. Согласно генеральному плану развития территории, никакого кладбища рядом с дорогой не было, а земли, занятые кладбищем, были обозначены как земли сельхозназначения. Кладбище спустя какое-то время после завершения ремонта федеральной трассы продали агрофирме под размещение теплиц. Другая проблема — обслуживание и уборка кладбищенской территории. В моем присутствии глава сельского поселения безуспешно пытался решить проблему с деревьями, которые повалило на сельском кладбище. Формально кладбища не существовало, деревья и территория кладбища относились к лесхозу, подчиненному федеральным властям.

Кладбище является последним звеном в инфраструктурной цепочке, которая обеспечивает захоронение тела. Поминки, распространенные в России в качестве, возможно, единственного унифицированного похоронного ритуала, не включены в список услуг, которые оказывают акторы похоронного бизнеса. Похоронные компании могут помочь вам арендовать кафе и довезти до него родственников, однако такие услуги почти не востребованы.

Квест с ловушками

Из истории нашего «героя», обретшего последнее пристанище на несуществующем на карте сельском кладбище, можно вычле-

нить несколько принципиальных для понимания работы похоронной инфраструктуры элементов. Во-первых, как уже понятно, речь ни в коем случае не идет о коммодификации самого похоронного ритуала [Моисеева, 2009; Филиппова, 2011]. Наоборот, все собственно ритуальные аспекты, связанные со смертью и похоронами, сознательно и настойчиво исключаются акторами похоронного бизнеса из предлагаемых ими услуг.

Похороны как ритуал, обладающий внутренней целостностью и автономным культурным и социальным смыслом, разбиваются ими на ряд действий, каждое из которых не имеет ритуального смысла само по себе. Они продают не ритуал, а решение конкретных проблем, связанных с наличием у родни трупа. Инфраструктура похоронного дела посредством такой разбивки предстает в качестве инфраструктуры совершения операций с мертвым телом. Предметом договоренностей становятся конкретные разовые манипуляции: перевозка, подготовка и выдача трупа, покупка гроба, покупка места на кладбище, перевозка гроба и трупа до кладбища, копка могилы. Сложившиеся практики работы ритуальных агентов, работников моргов и кладбищ как бы «стерилизуют» или даже стирают всякое символическое значение смерти, перенося концептуализированный Герцем процесс социализации мертвого в качестве предка и предка в качестве члена сообщества во временной период, следующий за похоронами.

Родственники, решая насущные задачи по организации похорон, просто не имеют возможности предаться скорби или осмыслить опыт смерти близкого человека, они обязаны в течение двух суток постоянно принимать конкретные локальные решения относительно мертвого тела. Иными словами, показанный мной сценарий похорон не только отделен от процесса социализации покойного, но и исключает, если использовать концептуализацию Гуди, всякую рефлексивную компоненту, связанную со смертью.

Вторая важная черта похоронного рынка — окказиональность, случайность предлагаемых наборов услуг по операциям с мертвыми телами, отсутствие стабильного сценария работы этого рынка, отсутствие устойчивых связей между акторами, многообразие, вариативность конкретных форм «смычки» моргов, перевозчиков, ритуальных агентов и представителей государства. Устройство похоронного рынка как бы дублирует свойства похоронной инфраструктуры per se: несвязность, отделенность элементов друг от друга, их вариативность, наложение и взаимное дополнение формальных и неформальных элементов. Говоря о квесте как о метафоре, описывающей интерфейс похоронной инфраструктуры, я имею в виду прежде всего именно эту окказиональность и непредсказуемость. До момента засыпания гроба землей любое решение, принятое родственниками покойника, может привести к непредсказуемым последствиям. Показатель-

на история, рассказанная информантом, водителем микроавтобуса, перевозящего гробы с телами от морга до кладбища. Родственники умершего мужчины обратились в его агентство с просьбой организовать перевозку тела на большое расстояние — почти 600 км. Им предложили специально оборудованный заводским способом катафалк «Газель»: левый ряд сидений в нем демонтирован, вместо него на всю длину пассажирского салона установлен подиум для гроба. Родственникам это показалось недостаточно престижным, и они выбрали микроавтобус Peugeout, который был переделан в катафалк кустарным способом. В день перевозки, когда тело забирали из морга, выяснилось, что гроб не помещается на самодельный постамент катафалка, так как умерший мужчина был высокого роста (для него пришлось делать нестандартный гроб длинной 2,2 м). В течение поездки родственники держали гроб на коленях.

Третья существенная черта: амбивалентная роль государства, прежде всего представителей местной власти и сотрудников бюджетной сферы. С одной стороны, как можно было заметить, они стремятся максимально отстраниться от манипуляций, осуществляемых игроками рынка и эксплуатантами похоронной инфраструктуры. Полиция не останавливает и не проверяет катафалки и труповозки (знакомые предприниматели за неимением альтернативы некоторое время перевозили тела умерших в пассажирском автомобиле ВАЗ-2107), чиновники не оформляют должным образом кладбища и закрывают глаза на стихийные захоронения, медики стремятся не перевозить трупы в каретах скорой помощи. С другой стороны, их вовлеченность в рынок похоронных услуг поражает воображение. Каждый труп становится источником дохода для представителей власти: оплата за сливы, решение о необходимости вскрытия, эксплуатация моргов, своевременная выдача тел, получение мест на кладбищах и т.д. Государство как совокупность институционализированных акторов как бы устраняется с рынка похорон, сохраняя при этом практически тотальный контроль над ключевыми объектами его инфраструктуры и позволяя своим представителям уже в качестве отдельных акторов получать ренту за право пользования этими объектами.

По сути речь идет о масштабной симбиотической практике. Бюджетные ограничения, сложности лицензирования не дают возможности местной администрации легально и полноценно регулировать похоронный рынок, исполнять обязанности, возложенные на нее Конституцией и законом о местном самоуправлении. Но при этом все этапы квеста по захоронению тела, в которых не хотят участвовать представители власти, переданы на откуп частному сектору, а он исправно делится доходами с представителями власти.

Рассмотрим чуть подробнее механику работы этого симбиоза, сценарии, которые используют игроки рынка и представители власти,

чтобы организовать относительно гладкое функционирование похоронной инфраструктуры. Перевозка тела от места смерти до морга становится проблемой в тот момент, когда бригада скорой помощи отказывается ее осуществлять, однако вместе с полицейскими настаивает на проведении вскрытия. Ту же проблему решает та же бригада медиков и те же полицейские. Практика слива информации о покойнике гарантирует живым родственникам как минимум одного перевозчика у них под окнами и как максимум нескольких конкурирующих перевозчиков. Государственный морг — следующая проблемная точка, в которой сотрудники, работающие на бюджетных ставках, обязаны предоставлять некоторые услуги, суть и способ оказания которых не конкретизирован в законах и нормативных актах. Строго говоря, аргументированный запрос на оказание бесплатных услуг в государственном морге невозможен: тело может быть «не готово», не выдано в срок, не приведено в пристойный вид. Никаких санкций за это ни закон, ни правила не предусматривают. Но для облегчения коммуникации с сотрудниками морга и для получения качественных услуг нельзя устраивать скандал. Достаточно переговорить с агентом на стульчике в зале прощаний, медицинской сестрой Натальей или любым другим посредником, который обязательно присутствует в любом российском морге.

Степень участия посредников в жизни морга и статус этого участия могут варьироваться: от физического присутствия в морге до собственности на зал прощаний или фактически до управления всем моргом. Одна из похоронных фирм в изучаемом мной регионе оформила сотрудников морга к себе в штат по договору, взяла помещение морга в аренду (иногда это делается и без аренды) и теперь почти легально и, разумеется, за деньги берет тела на сохранение, подготавливает их к выдаче, сдает в аренду зал прощаний. Учитывая, что в морг родственники покойных попадают обычно спустя несколько часов после наступления смерти, их психофизическое состояние далеко от нормального. Вопросы о ценах на предлагаемые в морге услуги, о количестве таких услуг часто решаются с ними фактически без всяких пояснений, поэтому стоимость услуг по подготовке к похоронам может варьироваться, например, от 5 до 30 тыс. рублей.

Кладбище — последний ключевой элемент похоронной инфраструктуры. Симбиотические практики, в рамках которых государство позволяет частному сектору восполнять пробелы в собственной работе, на кладбище также вполне эффективны. Речь может идти о сети посредников, сложившейся вокруг муниципального кладбища, о «смотрителе», который аффилирован с главой поселения, или о ритуальной фирме, которая, как было описано выше, взяла на себя все хлопоты по содержанию кладбища в обмен на покровительство и невмешательство со стороны местных властей. Все указанные посредники,

«смотрители», агенты готовы предоставить не только место для захоронения, но и все необходимые услуги: выкапывание могилы, оборудование ограды, установку креста, могильной плиты или памятника.

«Поломка» как властный ресурс

Сюжет одного из популярных американских сериалов «Six Feet Under» (на русский язык название переводится обычно как «Клиент всегда мертв») разворачивается вокруг семейного похоронного агентства «Фишер и сыновья». После смерти отца, главы фирмы, представитель крупной федеральной похоронной компании предлагает семье продать похоронный дом: *«Я представляю Kroehner Services International, сеть качественных похоронных учреждений по всей стране. У нас 157 отделений в Калифорнии, и мы предлагаем вам стать 158-м. Посмотрите на цифры, и я уйду».* Сыновья решают не продавать агентство, так как не нуждаются в использовании чужой похоронной инфраструктуры: их компания может существовать автономно. Похоронный дом «Фишер и сыновья» является и моргом, и местом подготовки и бальзамирования тел, и залом прощаний одновременно.

Этот эпизод из популярного сериала демонстрирует принципиальное отличие российского рынка ритуальных услуг от американской похоронной индустрии (death care industry). Американские похороны от момента выставления тела покойника для прощания до завершения похоронной церемонии идут не более двух часов, большую часть времени занимает сама церемония прощания в похоронном доме. Морг, траурный зал и место захоронения находятся в непосредственной близости друг от друга и, как правило, принадлежат одному похоронному дому [Laderman, 2005]. В США услугой похоронного бюро становятся похороны именно как ритуал. Подготовка тела, выбор гроба, подготовка участка для захоронения и сама прощальная церемония осуществляются обычно одной компанией. Родственники не решают сложные логистические и менеджерские задачи, а приобретают комплексную услугу. Она дает возможность не только избавиться от трупа приемлемым в западной культуре образом, но и оплакать покойного, услугу, которая подразумевает гладкое функционирование всей похоронной инфраструктуры.

В России похороны могут продолжаться несколько часов, а тело с момента смерти до момента захоронения будет перемещено несколько раз на расстояние до нескольких десятков километров. Набор акторов, с которыми родственники будут непосредственно взаимодействовать и осуществлять расчеты, будет варьироваться от двух-трех человек до нескольких десятков. Ни одно из решений не будет гарантировать гладкого и бесперебойного функционирования похоронной инфраструктуры. Не претендуя на создание фун-

даментальной теоретической рамки, которая позволила бы описать это состояние похоронной инфраструктуры, я рискну предложить набросок, состоящий из нескольких теоретических элементов. Они, будучи собраны вместе, позволят по крайней мере ответить на вопрос, с чем мы имеем дело.

Онтологически рынок ритуальных услуг вполне может быть описан как социотехническая сеть [Callon, Caliskan, 2005]. С одной стороны, это совокупность моргов, трупохранилищ, кладбищ, помещений для прощания с телом, катафального транспорта и т.п. С другой стороны, это индивиды и институциональные акторы, встроенные в сеть материальных артефактов и не действующие за ее границами. Это коммерческие агенты рынка ритуальных услуг, медсестры моргов, представители силовых структур, местных органов исполнительной власти (people infrastructure) [Simone, 2004]. Схожие подходы в своих работах использовали Бриан Парсонс и Паскаль Тромпетт, исследуя локальные рынки ритуальных услуг [Parsons, 1999; Trompette, 2011], о значении инфраструктуры в формировании похоронной индустрии пишет и Тони Уолтер [Walter, 2005].

Однако онтология инфраструктуры как социотехнической сети не объясняет полностью способы и правила ее функционирования. Стивен Грэхэм и Найджел Трифт, обращаясь к Хайдеггеру и развивая введенное им понятие «подручности», отмечают, что только в испорченном, сломанном состоянии материальный объект переходит из состояния «подручности» в состояние «наличности», т.е. становится видимым в качестве объекта [Graham, Thrift, 2007]. Именно тогда, когда что-то выходит из строя, теряет свою привычную функциональность, мы получаем возможность увидеть роль объекта в социальных взаимоотношениях. При этом Грэхэм и Трифт полагают, что видимым объект делает даже не сама по себе поломка, а способы ее устранения. Собственно, только процесс ремонта и поддержания сломанного в работоспособном состоянии является социальным явлением, которое инфраструктура порождает сама по себе и которое в итоге попадает в фокус исследователя.

Если с похоронной инфраструктурой все более или менее понятно, то с тем, что мы называем ее «поломкой и ремонтом», ситуация не столь ясна. Например, поломкой трубопровода или электросети мы можем называть ограничение возможностей их использования. Вода не течет по трубам, а ток не идет по проводам. Но что можно назвать поломкой кладбища или морга? Вслед за прагматической традицией в западной антропологии инфраструктуры [Jackson et al., 2012] я предлагаю рассматривать функциональность инфраструктурного объекта как главный критерий определения его рабочего/поломанного состояния. Если объект выполняет возложенную на него функцию, он может быть признан рабочим и наоборот. Та-

ким образом, поломкой объекта похоронной инфраструктуры является невозможность (ограничение возможности) осуществления захоронения. При этом необходимо учитывать, что именно пользователь определяет как ожидаемую функцию. Поэтому я предлагаю рассматривать представления информантов и участников интеракций о функциональности объектов как отправную точку в определении рабочего/поломанного состояния. Например, поломкой морга можно назвать невозможность получить тело умершего без неформальных договоренностей, если на это как ненормальное состояние указывают информанты. В данном случае морг не выполняет свою функцию, и это признается информантами сбоем (failure).

Что является в таком случае ремонтом похоронной инфраструктуры? Я предлагаю рассматривать социальные интеракции, направленные на возобновление функциональности инфраструктуры, как ремонт (поддержание). Иными словами, ремонт — это то, что позволяет снова воспользоваться инфраструктурой. В случае невозможности получения тела в морге — предоставление агентских услуг. Таким образом, для нашей теоретической рамки ключевыми становятся именно социальные интеракции между ключевыми акторами, направленные на изменения функциональности инфраструктуры ритуального рынка. Эти взаимоотношения между частными ритуальными компаниями и властными структурами (ее отдельными представителями) можно рассмотреть с точки зрения теории городских политических режимов. В данном подходе делается акцент на неформальных связях, обеспечивающих эффективность взаимодействия акторов и прочность режима [Stone, 1989]. Политический режим — это коалиция акторов, обладающих доступом к институциональным ресурсам и осуществляющих управление общностью [Ледяев, 2013]. Согласно классификации Стоуна, существуют четыре типа подобных режимов. В контексте поставленного исследовательского вопроса нам интересен только один режим — режим сохранения статус-кво. По Стоуну, этот режим характерен для малых и стагнирующих городов, где власть не старается что-то изменить, а просто поддерживает сложившуюся ситуацию. Взаимодействуя с местным бизнесом, власть извлекает выгоду из уже сложившегося статус-кво, не принимая во внимание интересы местного населения. Рынок ритуальных услуг в такой оптике можно рассматривать в качестве одного из субъектов политики [«markets as politics», см. Fligstein, 1996].

Следуя за Стоуном, в фокус исследования попадает не режим «власти над», а режим «власти для». Первый режим — концептуализация власти как формы контроля (М. Вебер, Г. Лассуэлл, Р. Даль, Д. Ронг). Власть — это всегда конфликт, а достижение результата для одного неизбежно связано с потерями для другого. Второй режим — это власть, понятая как определенное социальное производство, взаимодействие

акторов для достижения общих целей (Т. Парсонс, Х. Арендт, М. Фуко). Ледяев [2013] довольно убедительно показывает слабость подобных концептуальных различений, однако для наших целей смещение акцента с подавления на управление является вполне оправданным.

Социотехническая сеть похоронной инфраструктуры сама по себе не является ни сломанной, ни исправно работающей. «Поломки» этой сети, строго говоря, не являются полноценными поломками. Встроенные в сеть акторы — индивиды и институты — организуют эти «поломки» в ходе интеракций друг с другом и прежде всего с родственниками умерших. Одновременно они организуют и «ремонт» сети: за счет симбиотических практик взаимодействия представителей местной власти и частного сектора, вовлеченного в похоронный бизнес. Сценарии организации «поломок» и «ремонтов» бесконечно вариативны, но само дублирование «поломки» «ремонтом» в том или ином виде будет существовать повсеместно. Вопрос в том, кто и по каким правилам будет организовывать именно «поломку» и «ремонт». В каком-то смысле речь идет об одном и том же действии: фиксация «поломки» всегда имплицитно содержит в себе предложение об осуществлении «ремонта». Если использовать язык акторно-сетевой теории в ее классическом виде [Latour, 1999], то можно сказать, что «поломки» и «ремонты» представляют собой операции присоединения, оплаченные операциями перевода. Подсоединение к сети должно быть оплачено переводом отношений с этой сетью из плоскости формального требования оказать услугу в плоскость неформальной оплаты этой услуги.

Роль представителей местной власти в осуществлении обеих операций является критически важной. Они создают «поломки», и они же осуществляют «ремонт», переводя требования в неформальную ренту. Фактически речь идет о том, что похоронная инфраструктура, имеющая некоторые ограничения и специфические свойства на уровне онтологии, раскрывается ими в качестве изначально «поломанной» и в то же время содержится во вполне работоспособном состоянии. Эпистемический разрыв между описанным состоянием социотехнической сети и ее реальными возможностями (взятыми с учетом возможностей всех акторов, вовлеченных в ее функционирование) сам по себе становится ресурсом для извлечения властной ренты.

Заключение

По мнению Паскаль Тромпетт, одним из главных достижений французского рынка ритуальных услуг является тот факт, что все проблемы инфраструктуры стали для потребителей невидимыми [Trompette, 2011]. Дэвид Перри полагает, что, когда похоронная инфраструктура «работает безупречно, ее замечают в последнюю

очередь» [Graham, Thrift, 2007]. Однако именно видимость дисфункциональности инфраструктуры и ее номинальное пребывание в «сломанном» виде имеет принципиальное значение для функционирования российского регионального рынка ритуальных услуг. «Поломка» как эпистемическая модель описания похоронной инфраструктуры и онтологические возможности по ее «ремонту» создают уникальную констелляцию «сломанной-работающей» сети, в которой оба состояния в чистом виде являются фикцией.

Согласно Грэхэму и Трифту, ремонт не обязательно должен быть эффективен, и он не является эффективным в изученном случае, так как не устраняет те свойства сети, которые позволяют представлять ее в качестве сломанной и эксплуатировать в качестве функционирующей. Культурные и социальные аспекты похоронного дела в России способствуют сохранению этого парадоксального, но крайне выгодного для участников рынка, а главное — представителей местной власти состояния похоронной инфраструктуры.

Библиография

Абелев М., Рожков С., Зульфугарзаде Т. (2006) Похоронное дело в России. *Заместитель главного врача*, (4): 137–140.

Грачев Р. (2012) *Гражданско-правовое регулирование рынка ритуальных услуг*. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. (http://www.lawtech.ru/document/2012avtoref385)

Ледяев В. (2010) Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования. *Неприкосновенный запас,* 2 (70): 135–144.

Моисеева Е.Н. (2013) Твоя последняя покупка, выбранная кем-то другим. *Экономическая социология,* 1 (14): 13–22.

Филиппова С.В. (2009) Кладбище как символическое пространство социальной стратификации. *Журнал социологии и социальной антропологии,* 12 (4): 80–96.

Callon M., Caliskan K. (2005) *New and Old Directions in the Anthropology of Markets,* N.Y.: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research.

Hillary A., Hentschel C. (2015) Interactions with infrastructure as windows into social worlds: A method for critical urban studies. *City*, 19 (2–3): 306–312.

Höhne S. (2015) The Birth of the Urban Passenger: Infrastructural Subjectivity and the Opening of the New York City Subway. *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*, 19 (2–3): 313–321.

Goody J. (1974) Death and the Interpretation of Culture: A Bibliographic Overview. *American Quarterly, Special Issue: Death in America*, 26 (5).

Graham S., Thrift N. (2007) Out of Order: Understanding Repair and Maintenance. *Theory, Culture and Society,* 24 (3): 1–25.

Fligstein N. (1996). Markets as Politics: A Political Cultural Approach to Market Institutions. *American Social Review,* (61): 656–673.

Harvey P., Knox H. (2015) *Roads: An Anthropology of Infrastructure and Expertise,* Cornell University Press.

Hertz R. (1960) *Death and the Right Hand,* Glencoe; Illinois: The Free Press.

Jackson S., Pompe A., Krieshok G. (2012) "Repair Worlds: Maintenance, Repair, and ICT for Development in Rural Namibia". *Proceedings of the 2012 Computer-Supported Cooperative Work (CSCW) Conference,* Seattle, Washington.

Laderman G. (2005) *Rest in Peace. A Cultural History of Death and the Funeral Home in Twentie*th-Century America, Oxford University Press.

Latour B. (1999) *Pandora's hope: essays on the reality of science studies,* Cambridge: Harvard University Press.

Parsons B. (1999) Yesterday, today and tomorrow. The lifecycle of the UK funeral industry. *Mortality,* 4 (2): 127–145.

Smith R.G.E. (1996) *The Death Care Industries in the United States,* Jefferson, NC: McFarland.

Simone A. (2004) People as Infrastructure: Intersecting Fragments in Johannesburg. *Public Culture,* (16): 407–429.

Stone C.N. (1989) *Regime Politics: Governing Atlanta 1946–1988.* Lawrence: University Press of Kansas.

Stone C.N. (1993) Urban Regimes and the Capacity to Govern: A Political Economy Approach. *Journal of Urban Affairs,* 15 (1): 1–28.

Trompette P. (2011) Political exchanges in the French funeral market. *Management & Organizational History,* (6): 13–35.

Walter T. (2005) Three ways to arrange a funeral: Mortuary variation in the modern West. *Mortality,* 10 (3): 173–192.

References

Abelev M., Rozhkov S., Zul'fugarzade T. (2006) Pohoronnoe delo v Rossii [Funeral market in Russia]. *Zamestitel' glavnogo vracha*, (4): 137–140.

Callon, M., Caliskan K. (2005). *New and Old Directions in the Anthropology of Markets.* N.Y.: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research.

Filippova S. (2009) Kladbishhe kak simvolicheskoe prostranstvo social'noj stratifikacii [Cemetery as a symbolic space of social stratification]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 12 (4): 80–96.

Fligstein N. (1996). Markets as Politics: A Political Cultural Approach to Market Institutions. *American Social Review,* (61): 656–673.

Goody J. (1974) Death and the Interpretation of Culture: A Bibliographic Overview. *American Quarterly. Special Issue: Death in America,* 26 (5).

Grachev R. (2012) *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie rynka ritual'nyh uslug* [Law control of funeral market]. URL: http://www.lawtech.ru/document/2012avtoref385.

Graham S., Thrift N. (2007) Out of Order: Understanding Repair and Maintenance. *Theory, Culture and Society,* 24 (3): 1–25.

Harvey P., Knox H. (2015) *Roads: An Anthropology of Infrastructure and Expertise.* Cornell University Press.

Hertz R. (1960) *Death and the Right Hand,* Glencoe; Illinois: The Free Press.

Jackson S., Pompe A., Krieshok G. (2012) "Repair Worlds: Maintenance, Repair, and ICT for Development in Rural Namibia". *Proceedings of the 2012 Computer-Supported Cooperative Work (CSCW) Conference,* Seattle, Washington.

Laderman G. (2005) **Rest in Peace.** *A Cultural History of Death and the Funeral Home in Twentieth-Century America*, **Oxford University Press.**

Latour B. (1999) *Pandora's hope: essays on the reality of science studies,* Cambridge: Harvard University Press.

Ledjaev V. (2010) Izuchenie vlasti v gorodskih soobshhestvah: osnovnye jetapy i modeli issledovanija [Research authority in urban communities: types and researches]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2 (70): 135–144.

Moiseeva E. (2013). Tvoja poslednjaja pokupka vybrannaja kem-to drugim [Your Last Purchase but Chosen Not by You: How Buyers Make Their Choices in the Market for Funeral Services]. *Jekonomicheskaja sociologi*, 1 (14): 13–22.

Parsons B. (1999) Yesterday, today and tomorrow. The lifecycle of the UK funeral industry. *Mortality,* 4 (2): 127–145.

Smith R.G.E. (1996) *The Death Care Industries in the United States,* Jefferson, NC: McFarland.

Simone A. (2004) People as Infrastructure: Intersecting Fragments in Johannesburg. *Public Culture,* (16): 407–429.

Stone C.N. (1989) *Regime Politics: Governing Atlanta 1946–1988,* Lawrence: University Press of Kansas.

Stone C.N. (1993) Urban Regimes and the Capacity to Govern: A Political Economy Approach. *Journal of Urban Affairs*, 15 (1): 1–28.

Trompette P. (2011) Political exchanges in the French funeral market. *Management & Organizational History,* (6): 13–35.

Walter T. (2005) Three ways to arrange a funeral: Mortuary variation in the modern West. *Mortality*, 10 (3): 173–192.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Мохов С.В. (2016) Рынок ритуальных услуг в современной России: поломка похоронной инфраструктуры как властный ресурс. *Социология власти*, 28 (4): 83-103.

Mokhov S. (2016) Death Care Industry in Modern Russia: Breakdown of Infrastructure As Power Resource. *Sociology of power*, 28 (4): 83-103.